
Павел ПЛАСТИНИН

РАССКАЗЫ

КАЖДОМУ СВОЕ

Неистовый Альфред живет особой жизнью,
Один в суровых скалах и камнями питаюсь,
Наивно полагая, что остальные люди
Живут такой же жизнью, такие же душой...

Глеб Самойлов. Неистовый Альфред

Киноманам посвящается...

Четыре месяца назад мне крупно повезло. Редко так везет нашему брату коллекционеру на подобные раритеты, но уж если везет, то веселись и пей, как в последний раз! Главное, чтобы в момент веселья и пьянства этого раритета не было у тебя в руках — пусть лучше лежит в несоргаемом шкафу, вмурованном в стену бункера где-нибудь на краю города.

В тот день на мой электронный адрес пришло долгожданное письмо — из Мемфиса, штат Теннесси. Мистер Майлз Дорсет — такой же сумасшедший, как и я — согласился прислать мне копию «Ригодона» — первого фильма режиссера Аллана Смитти. Двадцать восемь лет назад фильм так разочаровал боссов студии «Юниверсал», что Смитти отстранили от съемок фильмов, и впредь он появлялся на съемочной площадке только в качестве фотографа. Однако несколько копий легендарного «Ригодона» все-таки были отпечатаны какими-то энтузиастами из кинолаборатории. Копии эти разошлись по всей стране. Неизвестно, сколько их существует в природе — наверняка не более десятка, — но точно известно, что одна из них уже через месяц будет в России, в моих руках.

В моих руках, черт подери!

Я был так возбужден, что не видел ничего вокруг себя. Скакал по квартире, как полоумный, вопил, как рыжий ревун в джунглях Гвианы, чем изрядно напугал моего беднягу кота — такого же рыжего и такого же нахального, как этот самый вышеупомянутый ревун. Напугал бы и жену, но слава Всемогущей Линзе, она была в гостях у подруги. Я подумал, что неплохо было бы отпраздновать новое приобретение, поэтому, недолго думая, схватил телефон и быстро пролистал список контактов. Навязчивый вопрос «С кем бы отпраздновать?» — с каждым новым просмотренным номером, с каждой новой иконкой на дисплее этот вопрос терял свою тяжеловесность, истон-

Павел Дмитриевич Пластинин родился в 1999 году. Писатель, публицист и блогер из Санкт-Петербурга. Финалист конкурса «Писатель года», лауреат конкурса «Сочи-мост-2016», финалист конкурса «Писатель года». Член Евразийской творческой гильдии. Окончил РГПУ им. А. И. Герцена (филологический факультет). Автор сборника малой прозы «Каждому свое», сборника абсурдистской лирики «Метеосводки».

чался, как кусочек мыла в общественном туалете, и постепенно слова сливались воедино, представляя перед моим третьим глазом уродливым «Скембы». Скембыскембыскембы...

Миша... Миша Громов... незабвенный коллега по прошлой работе. Фанат «Игры престолов» — от этих маньяков надо держаться подальше. Перечитал все книги, пересмотрел все сезоны, к тому же подобрал на гитаре главную тему.

Нет — такой не оценит.

Юра Каплан. Сосед по гаражу, старший товарищ, который когда-то доставал мне из видеопроката кассеты, которые достать было невозможно. Снова нет... для него имя Аллана Смитти, равно как и имена достопочтенных Владимира Латышева, Фреда Уилкокса и Эда Вуда, не скажет ровным счетом ничего. Его кинематографическая железа из-за злоупотребления Шварценеггером и Сталлоне деформировалась и начала деградировать.

Кристина. Кристина Железняк — бывшая девушка моего брата. О кино знает все, сорок восемь раз пересматривала «2001: Космическая одиссея», безумная фанатка «Стар Трека» и Квентина Тарантино. Для нее я достал «День рождения моего лучшего друга».

Да! Это то, что нужно!

В миру мое имя Дмитрий Петрович Рогожкин, и я — менеджер алкогольной компании «Вакх», хороший сын и верный муж. Но на кинофорумах и на «Кинопоиске» меня знают как Hannibal_82 — уж очень я люблю фильмы о нашем дорогом докторе Лектере. Вот уже десять лет я занимаюсь тем, что коллекционирую редкие, незамеченные и попросту забытые фильмы, мультфильмы и телеспектакли. В моей коллекции на разных носителях представлено сто двадцать два редких фильма.

Не то чтобы моя милая Лариса поощряла мое хобби, ведь на него я трачу приличные деньги, но не то чтобы я ей обо всем рассказывал. Большинство операций приходится проводить втайне от нее. Лариса никогда меня не понимала, не понимает и вряд ли когда-нибудь поймет. Ей почему-то кажется, что мое основное хобби — ежедневное хождение по мукам до офиса и обратно. А «все эти фильмы» — это прихоть, потому как я хочу ее задушить. Не знаю, какая здесь связь, но в больной голове моей любимой Ларисы она есть, будьте уверены. И ведь мы не бедствуем — живем как живем, как все. Средний класс — опора экономики. Но ведь Ларисе этого не объяснить. Так что приходится защищаться всеми пятью конечностями. В конце концов, я единственный в семье, кто в принципе что-то зарабатывает, и я имею право на маленькие слабости. Так ведь, да?

Мы встретились с Кристиной через час, в баре «Ловетт» на Думской улице. Я увидел ее, как только она вбежала в заведение: маленького роста, с живым милым лицом и роскошными русыми волосами, она была красива, но красива по-детски: не обольстительно, а притягательно. Увидев меня, она выбросила руку в вулканском салюте и крикнула на весь бар:

— Живите долго и процветайте!

Я ответил ей:

— Вы еще живы, господин де Жюссак?

Мне не терпелось рассказать ей о своем новом приобретении, поэтому как только мы определились, что мы хотим выпить, она начала с «Кастл Руж», а я с «Гиннесс» — я сразу же выпалил:

— Ты прикинь! Уже через месяц у меня будет копия «Ригодона» Аллана Смитти!

Кристина собрала брови в горку и спросила:

— Что? А кто это?.. Хотя стоп! — ее лицо мгновенно прояснилось. — Стоп! Тот самый Смитти — режиссер-неудачник, которого списали в тираж после неудачной картины?

Боже мой — обожаю таких людей, как Кристина!

— Да, именно — тот самый Смитти! И именно из-за «Ригодона» его и слили...

— Прямо слили?

— Ну... в переносном смысле. Он больше не снимал кино.

— Ясненько.

Вскоре принесли пиво, и мы, уже в немного измененном состоянии, продолжили наш разговор:

— И что? Позовешь посмотреть? — с улыбкой спросила Кристина.

— Конечно, позову. Потом оцифрую пленку и залью в Рунет. Может, даже поработаю над переводом.

— Отлично!

Радость все еще захлестывала меня, но я понял, что нужно спросить о ее делах. Как говорил Глеб Жеглов: «Будь к человеку внимательным и старайся подвинуть к разговору об нем самом!»

— У тебя-то как дела?

То был фонтан! Прорыв нефтепровода! Вселенский Потоп! Было очевидно, что за весь день Кристина ни с кем не поговорила, и теперь ее просто распирает от избытка информации в крови.

— Да блин... очень много всякого, и теперь не знаю, что со всем этим делать! Просто у меня ведь сам знаешь, какая ситуация! Вот...

— Слушай, по правде говоря, я быстро забываю, какая у кого ситуация. Так что давай рассказывай!

Кристина вдруг стала очень серьезной. А если девушка резко становится серьезной, значит, дела у вас так себе, друзья мои!

— Да все как-то через задницу. У меня сейчас с работой не все путем. Я ведь из «Юнита» уволилась — теперь буду в консалтинговой фирме работать. Шаг в бесконечность, блин! — она криво улыбнулась и отхлебнула из бокала. — Денег сейчас катастрофически не хватает — коммуналку кое-как выплачиваем. Да и не только в этом дело. Главное: с Сережей все неладно. Он какой-то совсем странный стал. Все время молчит, а если и говорит, то отрывисто так... бубнит чего-то себе под нос. А я начинаю его спрашивать: «Что случилось?» — он нос воротит. Что такое-то?

— Такое бывает! Сама знаешь, у каждого свои тайны.

— Да знаю... но какие у него от меня тайны. Я же жена! Но самое главное — он ведь стал куда-то пропадать! На всю ночь пропадает. А я от него ничего добиться не могу, ты понимаешь?

Мне стало не на шутку тревожно. Я знал Сережу — мужа Кристины — не то чтобы очень хорошо. Но с такими людьми, как он, достаточно пообщаться пять минут, чтобы понять, что никогда не поймешь, что у него в голове.

— Может, он на какую-нибудь подработку устроился? Вагоны там, не знаю, грузит?

— Ну может быть... но почему тогда он мне ничего не сказал! Стремно, чувак, очень стремно...

Мы вышли из бара около часа ночи. Метро к тому времени уже было закрыто, и я вызвал такси.

— Сначала на Средний Васильевского острова, потом — на Парашютную! — сказал я сонному диспетчеру.

Огненная колесница была подана к порогу бара уже через десять минут.

Водитель — веселый мужик лет сорока пяти-пятидесяти — всю дорогу откалывал шуточки, и притом достаточно смешные, а это редкость среди таксистов его возраста и его фирмы. А может быть, нам эти шутки казались веселыми после пива, виски и нескольких коктейлей «Белый русский», который Кристина закидывала в глотку с криком:

— Где деньги, Лебовски?

Вскоре мы оказались у дома Кристины. Я вызвался проводить ее до подъезда, и мы, синхронно пошатываясь, побрели к дверям.

Но вдруг, словно по команде, оба отпрянули от двери, как от призрака. Какое-то неведомое шестое чувство, а может быть, и упомянутый выше третий глаз заставили нас скрыться в темноту арки и проследить, как Сережа Железняк, муж моей дражайшей спутницы, вышел из подъезда и стремительно пошел на выход со двора. Он подскочил к ожидавшей меня машине такси. Мы услышали, как он спросил:

— Шеф, свободен?

А затем — голос водилы:

— Не, жду человека!

Сережа мрачно сплюнул и зашагал дальше.

Я посмотрел на Кристину. Она чуть не плакала.

— Боже мой! Ну вот куда, куда он опять!

— Не переживай! Сейчас вернем твоего скитальца! Иди пока домой, жди героя...

Я старался говорить максимально ободряюще, будто вернуть ей Сережу было сродни тому, чтобы переставить книгу с одной полки на другую. Вполне возможно, что тогда, в том моем состоянии, дело действительно представлялось мне таким простым.

Я подскочил к таксисту и рассчитался с ним. Сказал:

— Извини, отец, дальше я пешком!

Водитель помрачнел:

— Вот блин! Что ж раньше-то не сказал! Я тут клиента упустил...

Я вышел со двора и посмотрел по сторонам. Сережа медленно удалялся от меня по направлению к Первой линии. Догнать я его уже не мог: двигался он достаточно проворно, а вот отследить его перемещения в пространстве, столь пугающие его жену, вполне мог.

Поэтому, прикинувшись Шерлоком Холмсом, я поспешил последовать за ним.

Мы шли минут двадцать-двадцать пять. Пересекли Первую линию, направились к набережной Макарова. Вот же черт — что он задумал? Самые разные подозрения начали роиться у меня в голове. Вспомнил даже один из своих любимых фильмов — «Красный дракон». «Аз есмь дракон, а вы меня черните!»

Мы прошли по Тучкову мосту, пошли в сторону Владимирского собора. И все это время я держался от него на расстоянии примерно тридцати шагов.

Улица Блохина. Темная улочка, напоминающая о славном ленинградском рок-н-ролле и жутких рассказах Эдгара По одновременно (как тут не вспомнить и классическую экранизацию «Убийства на улице Морг» с Белой Лугоши в главной роли).

Сережа подошел к одному из старых замшелых домов, из которых, собственно, и состоит улица Блохина, и начал карабкаться по пожарной лестнице. Он карабкался все выше и выше. В конце концов он оказался на крыше дома — стояли белые ночи, и я видел все достаточно хорошо.

Я не видел другого выхода. Крепя сердце и на силу унимая дрожь в коленях, я начал медленно и трусливо подниматься по лестнице вверх. С самого детства высота пугала меня похлеще советского «Вия», но выхода, как видно, у меня не было. Хотя, скорее всего, во мне все еще говорил и действовал «Белый русский». И пиво. И виски.

Спустя пять-семь минут я тоже оказался на крыше. Стараясь не смотреть вниз, я перекинул свое тело через парапет. Аккомпанементом для моего перемещения послужили грохот и грязная ругань, по которой я и в трезвом виде большой специалист.

Сереза сидел на противоположном краю крыши, свесив ноги, и что-то потягивал из бутылки. Он услышал все те звуки, которые я волей-неволей издавал, и лениво протянул:

— Не стоило лезть, Дима... если ты собрался меня грабить, то у меня ничего нет, кроме бутылки пива. Если же тебя послала Кристина, ты мог бы сказать ей, что у меня есть любовница. Беженка из Сомали с грудью пятого размера...

Я был поражен его спичем. Потому не мог не спросить:

— А как ты понял, что это я?

— По правде говоря, сыщик из тебя хреновый... — я поскользнулся и чуть не упал, а Сереза добавил: — Да и руфер так себе. Я тебя еще на Среднем срисовал. Но не стал лишать тебя приятной иллюзии, как будто ты — долбаный Арчи Гудвин.

Я подошел к нему поближе. Его курчавая голова, красиво очерченная в светло-синей мгле белой ночи, была похожа на орех-кракатук — поди знай, чего там, под скорлупой.

— Присядь! Полюбуйся со мной на город...

— Ты учти, старик! Если ты собрался прыгать, то это очень хреновая идея... Что Кристина без тебя делать будет! С ума ведь сойдет... окончательно.

Сереза ухмыльнулся и посмотрел на меня. В его буравящем взгляде я ясно прочел ехидный вопрос: «Ты серьезно, мать твою? Неужели ты настолько тупой?»

— Дима... дорогой мой Дима. Если бы я хотел покончить с собой, я бы сделал это по-другому и давно. Я уже полтора месяца сюда хожу. Раньше у меня ключи были — и от парадной, и от крыши, местный слесарь подогнал за бутылку. Да только я их пару ночей назад посеял где-то. Надо будет поискать — может, дома где-то выронил или на работе. Так что теперь вот так вот.

— А зачем? Зачем, черт побери!

Сереза некоторое время молчал, потупив взгляд, а потом вдруг заговорил. Заговорил напевно, но при этом горячо, будто только что придумал это и вот теперь горит желанием рассказать все хоть первому встречному:

— А тебе не кажется, Дима, что все мы ужас как скучно живем. Мало того, скучно — лицемерно, гнусно... все носим маски, мягко выражаясь. А то и целые костюмы. Занимаемся ни тем, чем хотим. Говорим не то, что хотим. Ты когда-нибудь думал о том, как тебя все задолбало? Жена задолбала, работа задолбала. Все, в общем. Нет, не думал?

Перед глазами возник образ Ларисы. Туманная тень очередной ссоры из-за пяти тысяч, потраченных на копию телеспектакля Ленинградского телевидения. Вечерняя ссора, утреннее перемирие — до следующего вечера.

— И тебя задолбало? — спросил я.

— Конкретно. Кристина слишком приземленная, несмотря ни на что. Ну разве может романтик быть фанатом «Стар Трека». К тому же начала поговаривать о детях. И не то чтобы я не хотел детей, дети — это замечательно. Просто тогда ведь все окончательно стухнет... — он на секунду прикрыл глаза, сделал несколько глотков из бутылки. — Отсюда можно смотреть на город и оставаться незамеченным. И никто не потревожит, ни перед кем не нужно притворяться, не надо юлить, извиваться, как уж на сковородке. Просто сидишь на парапете, потягиваешь пиво и любишь на город — отсюда минимум три района видно! Считаю, такая вот у меня пещера. У меня такая, у тебя другая...

— Что ты имеешь в виду?

— А что? Разве все эти твои фильмы и спектакли — это не пещера? Ровно такая же пещера, как и у меня. «Каждому свое» — было написано на воротах Освенцима.

— Бухенвальда...

— Что?

— Это было написано на воротах Бухенвальда... на воротах Освенцима было написано: «Труд освобождает». До кино я увлекался Второй мировой.

— Я тоже... знаешь, Димыч, у меня была огромная коллекция: всякие книжки, вырезки из газет. А когда Интернет появился, я корефана своего просил мне статьи распечатывать. У нас-то не было компа — разве что в кафе идти... да не с руки. Но вот про Бухенвальд и Освенцим не знал... спасибо!

Я подсел к нему. Действительно — из Серезкиной пещеры открывался великолепный вид на наши каменные джунгли. Отсюда они были похожи на тлеющее кострище — мириады разноцветных искорок то погасали, то вспыхивали в разных его концах, и зрелище это завораживало похлеще всех кинохроник мира. Сереза протянул мне бутылку, и я сделал глоток.

Сереза улыбнулся:

— Ну вот мы и преломили хлеба.

Я улыбнулся ему в ответ. Преломили хлеба... но съедим ли их — вот в чем вопрос.

Мы расстались только к рассвету — с одной стороны нашего каменного кострища еще вздрагивали молочно-голубые сумерки, а с другой — разгоралось багровое пламя зари. Моя несравненная Лариса позвонила мне за ночь раз семь или восемь. Всякий раз я отвечал ей одно и то же: «Еще немного, и приеду».

В конце концов около четырех утра я встал с парапета и поплелся к лестнице. Опьянение мое практически прошло, но глаза слипались, а в глотке бродил сонный холодок, смешанный со вкусом солода. «Дома ждет холодная постель...» — вспомнилась мне старая песенка.

— Пойдешь домой? — спросил Сереза.

— Пойду... в твоей пещере хорошо, но мне пора в свою — темную и тесную, к бобинам и мониторам. Лариска наверняка сейчас варит мои пластинки, как в том фильме, помнишь?

— Приходи, если что.

— Непременно. Да и ты не забывай меня.

В нашей квартире было необычайно тихо. На удивление чемоданы с моими вещами не стояли у дверей. Ларису я обнаружил спящей на диване в гостиной. Рядом с ней лежал телефон, раскалившийся добела.

Я прошел в спальню. Судя по показаниям часов, что до начала моего рабочего дня остается четыре часа, следовательно, спать ложиться нет смысла. Тем не менее я прилег на нерасстеленную постель и прикрыл глаза. «Теперь главное — не уснуть», — подумалось мне. Мысли о возможности проспять работу напугала меня почти до смерти, поэтому я быстро открыл глаза.

Бобины. Целая полка бобин. Здесь, на этой полке, примерно шестьдесят фильмов. Еще столько же — на жестком диске в компьютере.

Я улыбнулся. «Пещера...» — вспомнились мне слова Серезы. На секунду мне стало жутко, но потом одна-единственная мысль рассеяла всякий страх. Она так развеселила меня, что я даже произнес ее вслух:

— Ох, дьявол! Лучше уж так, чем каждую ночь на крышу с пивом! Каждому свое, Сереза, каждому свое!

Через месяц и три дня картонная коробка со штемпелями почты США, службы экспресс-доставки, а также нашего районного почтамта оказалась у меня. Весь тре-

пеща, я дрожащими руками вскрыл упаковку, и на нашем кухонном столе оказалась одна из немногих копий драмы «Ригодон» — последнего фильма Аллана Смитти, загубившего его карьеру, однако ставшего культовым.

Лариса смотрела на меня как на умалишенного:

— И что это за хрень опять?

— Какая тебе разница! Ты ведь все равно захочешь оплевать меня!

Лариса даже не разозлилась — она была в шоке. Никогда в жизни, ни разу за все три года, что мы женаты, я ей так не отвечал.

— Дай мне просто порадоваться покупке! Это сто двадцать третий фильм в моей коллекции! Какого черта вообще!

Лариса с минуту собиралась с мыслями, потом пожала плечами и, хмыкнув, сказала:

— Ладно... боже мой... было бы из-за чего бузить, — говорила она тихо и удивленно. — Там, в холодильнике, я тебе от обеда оставила макарон и немного курицы. Ты как закончишь... в общем, приходи, если что.

Сказала — и вышла в гостиную.

А я возрадовался пуще прежнего. Чуть было не начал танцевать.

Вот и все! Надо будет позвонить Сереже и сказать, что необязательно искать ключи от этой чертовой крыши.

КТО НЕ ЛЮБИТ ВТОРНИКИ

Григорий Петрович — бухгалтер алкогольной компании «Вакх», приятной наружности мужчина, находившийся в том возрасте, когда многое уже не принято, а многого еще не хочется — не любил вторники больше всего на свете. При этом не любил их искренне, нежно, довольно давно и, кажется, взаимно. С самого детства, каждую неделю каждого месяца этот день находил, чем вывести его из себя: побегом ли черепашки из старой обувной коробки, неудом ли за контрольную по тригонометрии, потерей ли очков. И вот с тех самых далеких пор, когда Григорий Петрович был сначала ребенком, а затем юношей, он возненавидел этот день недели.

И этот новый вторник исключением не стал.

Григорий Петрович чувствовал, что сегодняшний день не сулит ничего хорошего. Еще утром, когда первые лучи разгорающейся зари — розовые и тоненькие, как ломтики маринованного имбиря — упали на его лицо и заставили открыть глаза, он почувствовал, что что-то очень противное и гадкое выползло этой ночью из своей грязной норы и теперь рыщет по всем дорогам в поисках пищи.

«Вот же гадость! — думал он, стоя под горчим душем и разглядывая свое мутное отражение в смесителе. — Я всегда чувствую гадость... и теперь я чувствую ее вновь».

Завтракая, Григорий Петрович, как обычно, смотрел телевизор. Рядом с ним на выдвинутом виде, но сохранившем уютность пуфике сидела его жена — красивая женщина бальзаковского возраста по имени Юлия. Она завершала утреннее наведение марафета, попутно поглядывая в телевизор и отдавая команды — поочередно то мужу, то сыну, который завис над экраном телефона, словно водомерка над озерной гладью.

Все было как обычно. Все... кроме, конечно, Григория Петровича, который стрелял глазами то в сторону жены, то в сторону сына, то в сторону телевизора в постоянном ожидании, что еще секунда — вот еще одна секунда — и произойдет нечто такое, что поставит весь сегодняшний день вверх дном, а быть может, и перевернет всю его жизнь. Но нет — отлаженный механизм под пошловатым названием «Счастливая семья» продолжал мерно отстукивать уплывающие в небытие минуты. Каждая

шестеренка, каждый валик его выполнял свою работу безукоризненно. И Григорий Петрович, еще более удрученный, чем в секунду своего пробуждения, выскочил из-за стола, схватил свой портфель и поспешил на улицу.

Улица, как известно, всегда полна неожиданностей. И опасностей. Однако все снова пошло не по плану.

Стояло прекрасное весеннее утро — дул свежий, теплый ветерок, нежные прикосновения которого были почти забыты горожанами за долгую зиму. Недавно проснувшееся желтоволосое солнце светило своим подсолнуховым светом, пытаясь отогреть землю. Люди, сбитые в небольшие колонны, похожие на муравьев, спешили впрыгнуть в общественный транспорт. Григорий Петрович в последний момент успел заскочить в уходящую маршрутку и даже занять свое любимое место — на переднем сиденье, прямо рядом с водителем.

«Господи, если я нормально доеду до работы и отработаю день без эксцессов, это будет настоящим чудом! Просто чудом, черт подери!» — подумал Григорий Петрович, садясь в вагон метро.

Каждую минуту этого дня наш герой ждал какой-нибудь подлости или какого-нибудь подвоха. Музыка, булькающая в наушниках сидящего рядом с ним паренька, лица людей в метро, чуть тронутые сном смиренные синие тени, брошенные ему под ноги вековыми липами, — все это было для Григория Петровича очень подозрительным. То самое гадкое чувство, испортившее ему настроение этим утром, разрасталось, разбухало и становилось жирным и противным, как громадная жаба, лежащая на зеркальной глади пруда.

Но за весь рабочий день с нашим героем не случилось ничего примечательного. Он пришел в контору и практически все время с девяти утра до шести вечера просидел за компьютером, сводя баланс. Баланс все никак не приходил в норму — его как будто бил лихорадочный озноб. Виталий Альбертович — генеральный директор — несколько раз проходил мимо рабочего места Григория Петровича, как-то загадочно поглядывал на него и что-то бормотал себе под нос. Если бы наш бухгалтер знал, что такое «комедия дель арте», то он бы заметил, что в эти самые мгновения его директор сильно смахивал на Бригеллу.

Поначалу он напряженно провожал директора взглядом, но потом снова с головой погружался в работу. Однако неприятный осадок от этих взглядов все же оставался.

Пару-тройку раз Григорий Петрович выходил покурить со своим приятелем, менеджером Олегом. Снова ничего необычного. Жена не звонила, сын тоже. Дочь и по-давно... где уж ей позвонить отцу!

Дети редко бывают благодарными. Григорий Петрович частенько об этом думал в последнее время — с тех самых пор, как его дочь поступила в институт и уехала из отчего дома.

День как день, все как всегда. Но этого просто не может быть!

В третьем часу на пороге конторы появилась девушка. Она удивленно вертела головой, словно вошла не в обычный офис на окраине города, а в украшенный чудесной росписью храм, и все время спрашивала у всех встречаемых сотрудников, где можно найти Виталия Альбертовича. Белокурая красавица с чуть вьющимися волосами в темно-коричневом в клетку пальто и обворожительной белой блузочке, она с первого взгляда приковала к себе Григория Петровича.

— Боже мой... — только и смог прошептать бухгалтер. — Красотка...

— Да... — с задумчивостью протянул логист Сема, — в былые бы годы мы бы ее с тобой! — и как-то гадко рассмеялся.

Но Григорий Петрович не замечал его — он, слегка опершись на свой хлипкий рабочий стол и не видя ничего вокруг себя, любовался на чудесную незнакомку.

И любоваться было на что... Белые локоны, выбивающиеся из-под темно-синего берета, обворожительно спадали на плечи. Ясные голубые глаза поблескивали из-под кристаллов очков светом нежным и теплым, словно свет забытой настольной лампы, возле которой заснул усердный школьник. И ее фигура — фигура греческой статуи, фигура позабытого совершенства, и ее облик — все это заставило сердце Григория Петровича биться и трепетать. Трепетать так, как оно не трепетало уже очень давно. Руки его задрожали, внизу живота разлилось таинственное тепло, а перед прояснившимся взором поплыли картины далекой юности, когда он, будучи еще студентом-второкурсником, впервые увидел свою будущую жену. И ведь эта девочка, пришествие которой было так неожиданно для Григория Петровича, была так похожа на Юленьку... в молодости.

В конце концов девушка подошла и к нему. Григорий Петрович затрясся пуще прежнего и попытался отвести глаза. Однако же взгляд его был пойман и, подобно беглецу, возвращен в полон глазам.

— Мужчина! Мужчина, у вас сейчас чашка упадет!

— А?

Одно неловкое движение — и чашка, которую бухгалтер только что наполнил чаем, рухнула на пол с оглушительным грохотом.

Девочка с сочувственным стоном бросилась подбирать крупные осколки, а Григорий Петрович принялся чем-то первым попавшимся под руку вытирать лужу.

— Мужчина, вы этим ничего не вытрете! — сказала девочка и с премилой улыбкой отобрала у нашего героя файл с бумагами.

— Вот елки!.. Черт, слава богу, с документами все в порядке! — протараторил бухгалтер, не отрывая глаз от красавицы, собиравшей осколки. — Да я сам, сам! Не пораньтесь!

— Да это же керамика! Тут не поранишься! — они встали с колен и теперь снова могли вести цивилизованный диалог.

— Спасибо, дево... девушка.

— Да не за что! Вы аккуратнее в следующий раз.

Ее улыбающиеся глаза смотрели прямо на него, и от этого светлого взгляда душа бухгалтера расцветала буйно и пышно.

— Меня Алиса зовут! — и она протянула Григорию Петровичу руку.

— Григорий!..

— У вас такие холодные руки. Что с вами? Вы не больны?

— Нет, что вы... это так, просто!

— Григорий... как здорово!

— Что именно?

— Ну, у меня папа Григорий, — она вдруг рассмеялась, — папа Григорий! Как будто он не мой папа, а папа римский!

— Да, верно! — Григорий Петрович нервно захихикал. — А вы тут... вы тут работаете теперь, да?

— Да нет, я только на собеседование.

— Ах, значит, только будем коллегами?

— Видимо... я была бы совсем не против.

Григорий Петрович сел на свое рабочее место.

— Волнуетесь перед собеседованием? — он все глядел на свою новую знакомую и никак не мог привыкнуть к счастливой мысли, что, возможно, уже очень скоро они будут работать вместе. Мало того, работать — возможно, он сможет провожать ее до остановки, а по пятницам они вместе будут ходить в японское кафе за углом. Быть может, она бы разрешила обнимать себя на прощание?

Кажется, молодежь не видит в этом ничего зазорного.

В дверях кабинета появилась физиономия Виталия Альбертовича. Увидев Алису и Григория, он, как показалось нашему бухгалтеру, немного поперхнулся, но затем его морду вновь стянула улыбка, и он пригласил Алису к себе в кабинет.

Григорий Петрович проводил ее взглядом и впервые за весь день улыбнулся.

Он не помнил, как приехал домой. Ближе к вечеру пошел дождь, притом довольно сильный. Григорий Петрович вымок до нитки, несколько раз поскользнулся, однако когда он вошел в квартиру, скинул мокрую одежду и наконец с разбегу плюхнулся на диван, он вдруг ощутил себя дьявольски счастливым. Весь последующий день — и даже ночь — образ прелестной Алисы не выходил у него из головы. Казалось, что свет и тепло ее лучезарных глаз разлились в нем, и теперь сердце его нежилось в сладостном ладане воспоминания, а по коже бегали бархатистые искорки электричества.

— Слушай, может, в выходные к маме съездим?

— Что? — Григорий Петрович даже не заметил, что, пока он предавался грезам, лежа на диване, к нему подседа жена.

— Я говорю, надо к маме съездить в выходные!

— А... ладно... посмотрим!

— Ты чего?

— А чего?

— Да не знаю... — Юлия хмыкнула и, бросив на мужа взгляд, полный подозрительности, вышла из комнаты.

— Ну и хорошо! — резюмировал Григорий Петрович и, чуть прикрыв глаза, подобно мыслителю эпохи рококо, снова предался созерцанию прекрасного образа, теперь навсегда запечатленного в его сердце.

Григорий Петрович не помнил, чтобы хотя бы раз в жизни, окрыленный и счастливый, летел в офис. Конечно, он и раньше спешил туда, боясь опоздать и остаться без работы. Но тогда в нем не было такой легкости, такой беззаботной, юношеской мечтательности, а душа, которая, как ему казалось, уже давно свыклась со своим положением придаточного органа, не была исполнена неземным блаженством. Даже тень той мысли, что сегодня он увидит Алису, была для него сладостна. В какой-то момент, сидя в вагоне метро, Григория Петровича вдруг испугал один вопрос: уж не влюбился ли он в эту маленькую девочку. «Маленькая девочка... со взглядом волчицы», — невольно пришла ему на ум песня его молодости.

У дверей конторы его уже ждал Виталий Альбертович. Судя по всему, сегодня утром он, брезгливо скривив лицо, отбросил маску Бригеллы в сторону и натянул личину хилого Панталоне.

— Ах, Григорий Петрович! Прошу вас, зайдите ко мне в кабинет!

«Кабинет директора — не каторга!» — промелькнуло в голове у бухгалтера, и он, такой же счастливый и окрыленный, каким был до этого, пересек порог.

— Да как так-то, а! — Юлия металась по кухне, как бешеный тигр. Казалось, еще несколько секунд — и из нее хлынет поток всепожирающего помпейского пламени. —

Ты проработал в этой фирме гребаных шесть лет! Да как этот козел вообще смеет тебя увольнять!

— Кадры... текучка... — задумчиво протянул Григорий Петрович, ковыряясь в тарелке.

— Текучка!.. А вообще, этого стоило ждать! Вот чего ты ждал? Чего ты ждал! Я тебе говорила, что надо было идти к Лешке, когда Лешка звал к себе. Он мой брат, он в беде не оставит! Ну где нам — мы же сами с усами, мы ж хозяева жизни! И на брата жены мы работать не будем, мы ж самые важные!

— Юль, вот чего ты опять с Лешкой со своим. Ну что, я бы в его палатке, что ли, бухгалтером работал — да не смей меня! А тут хоть рассчитали по-людски.

— Ой, да ну тебя в пень! По-людски!.. Кого хоть взяли-то? Или никого еще?

— Миша из отдела продаж говорил, что, мол, какая-то не то племянница, не то еще кто-то... самого!

— С... мелкие. Племянница, как же! Знаем мы их!

Григорий Петрович отправился в гостиную. Он был невероятно раздосадован сегодняшним происшествием. Конечно, было очень неприятно потерять работу, особенно сейчас, когда работы нигде днем с огнем не сыщешь, и придется идти пахать за копейки в ЖЭК или же, что еще хуже, в контору недоделанного деверя, что означает: отдать свой мозг для совершения с ним развратных действий сексуального характера всей женой семьи.

Удручала и ситуация с Алисой. Григорий Петрович не был идиотом — скорее всего, той самой «племянницей или кем-то еще самого босса», как назвал нового бухгалтера Миша из отдела продаж, была именно она. Именно поэтому заслуженный Скарамучча компании «Вахх» Виталий Альбертович так странно смотрел на него вчера, так испугался, когда увидел, что будущий бухгалтер мило воркует с прошлым. А все-таки ему надо отдать должное: он достаточно неплохо сохранял самообладание все прошедшие сутки.

Но Алиса... знала ли она, что говорит с человеком, которого завтра уволят, чтоб освободить ей место? Хотелось бы верить, что нет. Но все-таки она уже взрослая девочка и не могла не понимать, что в такой большой компании, которая бесперебойно работает вот уже десять лет, не может не быть главного бухгалтера. Можно, конечно, предположить, что ей солгали, сказав, что фирма гибнет, а все оттого, что хорошего главного бухгалтера нет — ищут пожарные, ищет милиция, ищут три года, не могут найти! Свежо, как говорится, предание, да верится с трудом...

Григорий Петрович вышел на балкон. За окнами, мокрая и свежая, пахучая и чистая, возрождалась природа. После дождя, который шел всю прошедшую ночь и половину дня, в воздухе разлился невероятный, пьянящий запах. Дочь говорила, что он называется петрикор — запах земли после дождя. Казалось, что мать-земля, скинувшая холодные снежные оковы, теперь счастливо глядела на своего благоверного Небо, а Небо дарило ей сладкий певучий аромат.

Григорий Петрович закурил. Его одолевали тяжелые, безрадостные мысли, а чувства его были серы, как папиросная бумага. Он глядел на оживающую природу, освященную последними лучами закатного солнца — розовыми и тонкими, словно ломтики маринованного имбиря, — и думал:

«И все-таки себя надо слушать. И чего я, дурак, вчера так радостно летел с работы? Вторники никогда не сулят ничего хорошего. Кому вообще могут нравиться вторники и вообще дни недели! Эх, слушать себя надо...»

Докурив, Григорий Петрович потушил бычок, бросил его в пепельницу и отправился спать. А свежий западный ветерок, шаловливо лизнувший балкон, подхватил бычок и понес его далеко и еще дальше.

ПОЛУНОЧНЫЙ КОВБОЙ

Женя — ведущий вечернего шоу «Кислород» — выскочил из эфирной студии, как будто за ним гналась когорта римских легионеров. Наверное, у себя в ушах он слышал, как свистят стрелы над его буйной головой, скрипят за спиной острые пилумы и как где-то совсем рядом с ухом раздается грозный голос могучего центуриона. Женя тяжело дышал и стрелял покрасневшими глазами туда-сюда, попутно бегая по комнате отдыха в разные стороны, пытаясь собрать свое дикарское облачение:

— Больше никаких сверхурочных! Никаких прямых эфиров! В понедельник так Грише и скажу! — голос у него дергался, как гриф гитары в руках неопытного гитариста. — Меня уже полчаса ждут! Шарф... где шарф, шарф где? Витя, ты шарф не видел?..

Я стоял поодаль, в дальнем углу комнаты отдыха и настраивался на эфир, пытаюсь абстрагироваться от того бурного спектакля, который разыгрывался на моих глазах. Мне он уж очень не нравился. Так надоедает шум в метро, на улице, в собственном подъезде и в собственной голове по утрам, что мне кажется, однажды я расстреляю из пулемета комара — за его невыразимо громкий писк.

А тут еще и Женя...

Не люблю шум... и людей, которые его создают.

— Женя, ну чего ты суетишься. Работа как работа, а ты суетишься... — я встал и, стараясь быть как можно более спокойным и размеренным, поплелся в эфирную студию. Сделал я это назло Жене. Наживку он проглотил: задергал белым, как накрахмаленная скатерть, лицом и задышал так часто, что мне захотелось подать ему кислородную маску.

— Да пошел ты к черту! — он картинно сплюнул и, ругаясь себе под нос, вылетел в коридор.

«Слава богу... тишина!» — подумал я и закрыл за собой дверь.

Заканчивался рабочий день. И календарный день заканчивался тоже.

В коридорах студии стало тихо — как будто всех людей выдуло ветром из его светлых жил. Где-то вдалеке трудилась наша уборщица Галина Петровна — добрейшей души женщина, лучший в мире убийца городских гадов: крыс, мышей и тараканов. Жаль только, что не всех паразитов она может вытравить из здания радиостанции.

Я сидел за режиссерским пультом, прокручивая стандартный вечерний плей-лист: новинки музыки и навязчивый рекламный блок.

Я услышал, как на улице громынула молния. Будет ласковый дождь...

Заканчивался рабочий день. И дневной эфир тоже.

А значит, начинался ночной....

Тихий шепот клавишных. Приятный женский голос говорит вам: «Вы слушаете Радио „Волна“». А затем нежный мужской, будто стараясь угодить первому: «Будьте на своей волне!» Затем клавишные затухают, и через секундную паузу вы слышите первые аккорды великого хита группы «Eagles» — «Hotel California» — и...

— Здравствуйте, братья и сестры! Сейчас без пяти двенадцать вечера пятницы, вы слушаете Радио «Волна», а это значит, с вами Виктор Груздев, и это программа «Полночный ковбой»...

Это похоже на медитацию, выход в астрал. Весь мир со всеми его странами и континентами сжимается до размеров маленькой комнатки с тремя микрофонами и огромным стеллажом CD-дисков — лучшая музыка за последние двадцать лет. Под желтым солнцем старой лампы греются листы белой бумаги с бегло начерканными

заметками к передаче. Светится мертвым светом моноблок с музыкой, и вяжут уши наушники фирмы «Sennheiser».

— Простите, братья и сестры, что я немного хриплю: в нашем старом городке холдновато, и я где-то простыл, — я поправил шарф, улыбнулся чему-то, как юридивый. — Но это не мешает мне снова общаться с вами в прямом эфире Радио «Волна». Здесь у нас — только хорошая музыка, только душевные разговоры. Усик для ваших мыслей — так на планете Мелмак вызывают на откровенность, а пока — для вас команда «Jethro Tull» с песней «The Whistler».

Команда Йена Андерсена вскоре отыграла, я протер уставшие за день, подернутые клейкой слезой глаза и продолжил свой вдохновенный полуночный спич:

— Ну что ж, дорогие друзья, я напоминаю, что все, кому одиноко этой ночью, могут звонить мне, в «Полуночный ковбой», наш телефон 655-00-00, и у нас первый звонок. Алло, я вас слушаю!

Сквозь дрожащее шуршание послышался голосок. Он был такой тоненький, даже как будто бы хрустальный, что я вначале принял его за детский:

— Витя... Витя!

— Вы в «Полуночном ковбое», давайте поговорим... — терпеть не могу панибратства ведущего и слушателей. Какой я им Витя! Ладно, бывало и хуже.

— Витя, это Артур, помнишь меня? Артур это! Мы с тобой одноклассники были. За одной партой пять лет просидели, помнишь, Витя?

Мозг будто покалывало тоненькой иголкой. Воспоминания далеких дней прорезались из глубин памяти, как старые фотографии через мутное стекло.

— Артур... что-то припоминаю! Как дела, старик? — как можно более весело прохрипел, а сам в это время думал: «Господи! Только бы он не занимал линию слишком долго».

— У меня плохо. Полное дерьмо на самом деле... я умру. Я хочу умереть...

Меньше всего мне хотелось выслушивать нытье почти незнакомого человека. Артур? Какой, к черту, Артур? Но поддержать ведь его надо. Авось закажет песню. Одну из моей заводной коллекции.

— Артур! Не говори ерунды. Вспомни тот старый фильм: «Жизнь прекрасна и удивительна!» Может, я смогу поднять тебе настроение...

— Нет, только не срывай линию. Я стою на подоконнике, я на восьмом этаже и скоро с него шагну. Мне некому больше звонить... тут играло радио, и я узнал твой голос. Витя, умоляю: не разъединяй! А то мне... мне край...

Вдруг мне стало страшно. Так страшно, как будто это я сам стою на подоконнике, на восьмом этаже перед стеной мерзкого холодного осеннего дождя.

Артур...

Артур, Артур.

Вдруг меня как будто поразило молнией. Меня пробила тяжелая дрожь, и я, прикинув губами к самой решетке микрофона, захрипел:

— Большаков? Ты, что ли? Артур Большаков?

— Я, Витя... я!

Я задрожал сильнее прежнего. В моей голове за одну долю секунды пронеслось множество мыслей. Я не мог остановить этот поезд — он уже вырывал меня из земли с корнем и нес за собой на своих мощных железных руках. Артур Большаков... самоубийца... в прямом эфире. Но как же музыка? Музыка... впереди было еще несколько песен «Jethro Tull», а потом я хотел включить «Цепелин»... но Артурка...

— Артур, не вешай трубку! Мы вернемся к тебе через несколько минут. А пока, — я почувствовал, как у меня холодеет спина, — а пока для вас Йен Андерсен и группа «Jethro Tull» с песней «Aqualung».

Я вскочил со своего места, не снимая наушников, походил из стороны в сторону, попутно сшибая со стола листки и канцелярские принадлежности черным шнуром. Артур... там.... На восьмом этаже...

А может, это шутка? Развод, как говорится... Может, это не Артур... может, нет никакого восьмого этажа с подоконником... подоконника с восьмым этажом.

После песни мы все узнаем, все узнаем после песни.

Да играйте же вы скорее, черт вас дерит!

Что это я? Нужно успокоиться. У меня ведь спокойная передача. Для музыки, для полуночников. И для ковбоев.

— И вновь с вами, братья и сестры, Виктор Груздев! — только бы не дрожать, только бы не дрожать. — Отыграла команда «Джетро Талл», и мы можем вернуться к нашему другу. Артур! Артур, отзовись!

Но на том конце провода было тихо. Черная и страшная, как бездна, тишина.

— Артур! Видимо, Артур, решил отсоединиться... — нужно импровизировать, нужно импровизировать. — Да-да, братья и сестры, то был всего лишь розыгрыш. Странный розыгрыш от моих старых школьных друзей. Думаю, они будут рады, если я... если я поставлю для них песню наших школьных дней — вашему вниманию команда «Led Zeppelein», «Rain Song» для вас, в «Полуночном ковбое»...

Он отключился.

Дрожащими руками я вынул из кармана телефон, быстро пролистал список контактов. Боже мой, ну хоть кто-то же должен знать телефон этого Большакова. У меня есть от силы минут пять!

Я гонял список туда и сюда. Глаза мои, как назло, слипались — не стоило вчера до утра засиживаться. Ни одной знакомой фамилии, черт подери.

Вдруг на глаза попало имя — Катя. Катя Герасимова. Тоже ведь одноклассница. А ведь попытка не пытка. Правда, звонил я ей последний раз года три назад.

Набрал. В ухе побежали колючие гудки. Полминуты на раздумья!

Хвала богу! На другом конце провода что-то задребезжало, и я услышал знакомый заспанный голос:

— Кто? Алло...

— Алло, Катя! Это Витя Груздев! Помнишь?

— Груздев? Ты охренел? Ты видел, сколько времени? Я ж тебя...

— Кать, послушай, это очень важно! Ты Артура Большакова помнишь?

— Ну помню...

— Слушай, у тебя нет его телефона?

— Телефона нет...

— Но может, ты знаешь кого-нибудь...

В наушниках я слышал последние аккорды «Цепелина». Потянулся за мышью, чтобы поставить новую песню — какая разница какую!

— Слушай, Витя, я не знаю — ну позвони Андрюхе Зотову. Он двадцатилетием выпуска занимался, у него должен был сохраниться.

— А можешь его телефон скинуть? А то у меня из школьных — только твой!

— Сейчас... Все...

Щелчок. Она положила трубку. Трубку стационарного телефона.

Кто-то еще пользуется стационарными телефонами.

— Ну что же, братья мои и сестры! Это, как вы поняли, снова я, Виктор Груздев, и вы с «Полуночным ковбоем». Сегодня у нас в студии поразительно тихо. За все время

нам позвонили только два человека. Но не все так мрачно, ведь с нами музыка, а с музыкой не может быть плохо. Прямо сейчас для вас группа «Van der Graaf Generator» с песней из альбома «World Record» — «A Place to Survive».

Спасительная вибрация... Андрюха, наш бывший староста, прислал телефон Большакова. Хорошо, что в этом мире есть такие люди.

— Теперь, главное, чтобы он подошел... — подумал я вслух и испугался собственного хриплого голоса. Ну и голос.

Не берет трубку... не берет... А вдруг он уже... того — вышел. Почти как в той песне: восьмой этаж, никто не подаст руки.

Мне становилось все страшнее. Тело мое похолодело, а все нутро сжалось и давило на легкие, выжимая из них дистиллированный бронхами воздух. Миокард рвался и испепелялся. Я боялся... боялся, как никогда!

Но вдруг тишину трубку прорезал сиплый, тоненький комариный голосок.

— Алло...

— Алло! — я сорвался на крик. — Алло, Артур?

— Артур.

— Это Витя! Витя Груздев! Ну ты... что там? Как там?

— Я... я еще здесь, стою...

— Ну ты же шутишь, да? — я почувствовал, как к горлу подкатывает холодный железный ком. — Шутишь ведь? Услышал по радио? И позвонил, да? Ну не молчи!

— Я не шучу. Я давно уже не шучу, Витюша. Просто мне край... край мне, понимаешь.

— Но что такое у тебя случилось?! — проронал я. Я понял, что больше не могу находиться в замкнутом пространстве, и очертя голову вылетел из студии, едва не сорвав с петель показавшуюся мне невероятно тяжелой дверь.

— Да ничего не случилось. Не нужен я никому, вот и все. Ни друзей у меня, ни жены. И работаю я черт знает кем — хожу, щитки проверяю раз в месяц по району. Я уже пробовал — и вешался, и травился. И представляешь... не помогает ни черта! Решил вот с одного офисного здания... вдруг что выйдет... Я уж и не знаю...

— Артур! Артурка! Ты, главное, слышишь — ты, главное, глупостей не делай! Слышишь!

— Да слышу! Слышу! — голос его, до того хлипкий и тихий, за одно мгновение превратился в рев. — Не ори на меня! У вас у всех все есть, только у меня нет ни хрена! Да пошли вы все, уроды чертовы! Уроды!

Вдруг я понял, что его голос будто удваивается. Я слышал его не только в трубке... Голос был где-то тут, совсем рядом. Казалось, что я могу ухватиться за него и стащить Артура с подоконника.

— Артур! Артур! Ты ничего не делай, понял!

— Ненавижу! Ненавижу! — он все продолжал кричать, а я наконец понял, в чем дело, а поняв, будто ушибленный темнотой коридора, скорее побежал на пожарную лестницу. Тут ведь всего два этажа... До восьмого!

Окно напротив полуоткрытого электрического щитка на восьмом этаже было распахнуто настежь, и из него валила ночная летняя влага. Артур — крепкий смуглый мужичок в синем комбинезоне — сидел на краю окна, свесив ноги на улицу. Я узнал его — сложно было не узнать...

— Артур! Артур! — кричал я что было сил. Едва добежав до окна, я схватился за край комбинезона и со всей силы повалил дурака на пол. — Ой дурак! Артур! Артур! Идиот! Слышишь меня, слышишь!

Артур посмотрел на меня глазами обессиленной дворняги.

— Витя... ну зачем... зачем... зачем...

— Как зачем? Ты же жить должен! Жить! Ты что — Господь Бог? Не ты сюда себя отправил, не тебе решать, когда уходить, понял!

— Да пошел ты на хрен! — Артур лихо вскочил на ноги. — Ты! Зачем! Зачем я тебе позвонил! Если б я только знал, что у вас здесь офис, я бы на другой конец города уехал! Ты такой же козел, как все вы в этой сраной жизни! Пошел вон! Козел!

Он ринулся к окну с решительностью пули. И медлить было нельзя. Почти не соображая, что творю, я схватил первое, что мне попало под руку, и со всей силы отхватил Артура по голове. Он слегка пошатнулся и обрушился на пол, подобно карточному домику...

Я бросил на пол свое оружие — им оказалась тонкогубая урна.

— Спасибо группе «Van der Graaf Generator», пионерам прогрессивного рока, за их творчество на наших волнах, — я мельком взглянул на Артура — он лежал рядом со мной, на полу студии. — И спасибо им за то, что их композиции так длинны... так длинны. А я напоминаю вам, что в эфире «Полуночный ковбой» — шоу о музыке и душе для полуночников и ковбоев. Наш телефон — 655-00-00, меня зовут Виктор Груздев, и я жду ваших звонков... Знаете, братья мои и сестры, я хотел поставить для вас песню группы «Led Zeppelin», название которой переводится как «Лестница в небо». Но я подумал, что нам не стоит туда торопиться. Поэтому для вас играет группа «The Rolling Stones»... и их знаменитая «Paint it Black». И хоть у нас и нет прав на ее трансляцию, лично мне очень хочется послушать ее вместе с вами... и одним моим старым приятелем. Простите, что хриплю, но по-другому, видно, никак нельзя...